

Пролог

— Что это, Арсен Павлович? — Алексей смотрел через плечо босса в экран телефона, на котором виднелся черно-белый снимок.

— Это монитор, Леша, — Ямпольский вглядывался в фото, стараясь подавить нехорошие предчувствия. Очень нехорошие. — Монитор аппарата ультразвукового исследования.

— А на мониторе что, почки? — предположил Алексей. — Ваши, что ль, Арсен Павлович? Разве вы делали УЗИ?

Ямпольский обернулся и снизу вверх посмотрел на своего главного безопасника. Название медицинского учреждения светилось в правом верхнем углу экрана.

— Зачем мне делать УЗИ в клинике «Женское здоровье»? Нет, это не мои почки, Леша, с моими все нормально. Это вообще не почки, это матка. Насколько я понимаю, беременная матка, в ней есть плод, — он ткнул пальцем в экран. — Если не ошибаюсь, то 6W3D — это срок, видишь, мы даже срок знаем, Леша, шесть недель и три дня. И размеры нам сообщают: девять миллиметров... Видишь?

— Да вижу, вижу, Арсен Павлович. И плод вижу. Я хотел спросить, какого... зачем нам это прислали? Извиняюсь... — Алексей вытер потный лоб, Арсен поморщился.

— Мне, Леша. Снимки прислали лично мне на телефон, это первое. А второе, сколько можно повторять: говорить «извиняюсь» — это колхоз. Надо выражать мысли грамотно. «Извиняюсь», «скупляюсь»... Учись разговаривать правильно. А правильно — это «извините», «простите», «виноват».

— Так я ж и говорю, какого... Извините... В общем, а почему вам, Арсен Павлович? Зачем вам УЗИ чьей-то матки? Или... — Он тревожно умолк, поглядывая на все более мрачнейшего босса.

— Или, Леша, или...

Арсен закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Если бы не второй снимок, он бы внимания не обратил, а так послание предназначалось ему, тут сомнений не было.

— Мне нужна информация о девушке, которую ты привозил мне от Борьки... от Бориса Альбертовича месяц назад. Ты помнишь, она осталась у меня до утра?

— Помню, я тогда еще удивился, с чего это вы со шлюхой в обнимочку... — Леша осекся под пристальным взглядом Арсена. — Так разбились они с водителем дня через три, он ее по вызову вез, по трассе на встречу фура выехала и в лобовую.... Вы забыли, наверное, вы еще распорядились их семьям денежную помощь выписать.

Забыл. Конечно, он забыл, а теперь вспомнил. Лучше об этом с Борисом поговорить.

— Надо отследить их путь, останавливались ли они по дороге. Выясни, Леша.

— Хорошо, сейчас все сделаю. Дайте телефон, я себе фотки переброшу, пускай нам УЗИ расшифруют. И пробьем номерок отправителя заодно.

Алексей ушел, а Арсен разглядывал второй снимок. Как будто надпись, фото смазанное, но он все равно узнал. Это не надпись, это татуировка.

НАЙДИ МЕНЯ, ШЕРХАН!

MonCher* — вот что там написано. Значит, чутье его не обмануло, она не привиделась ему во сне, да и сон ли это был? А может, Арсен ошибается, и Агата просто попала в беду, его она лишь позвала на помощь как старого знакомого?

Внутри звенело натянутой тетивой, а это верный признак того, что происходящее касается его лично. Увязать логически девушку, носящую имя полудрагоценного камня, и прилетевшие фото не получалось. Зато это отлично получалось сделать у его... В общем, не головой.

Он вспоминал модельку, которую привозил водитель Навроцкого около месяца назад. Арсен до сих пор смутно помнит, как это было, но тогда происходящее почему-то казалось нормальным и естественным.

Он уснул. Как ушла девушка, не помнит. Но Лешка ее лично выпроваживал, и когда Арсен проснулся, ее уже не было. Ничего особенного, если бы не сны. Так сны ли?

— Арсен Павлович, может, подогреть?.. — к нему услужливо склонился метрдотель, и Арсен вспомнил, что так и не успел поесть.

Миллиардер Ямпольский планировал пообедать в своем собственном ресторане на крыше «Манхэттена» — своего же собственного отеля. Блюда стояли нетронутыми, музыкант с виолончелью нервно поправлял бабочку. Арсен любил обедать под живую музыку.

— Уберите! — кивнул метрдотелю на стол и положил купюру. — Принесите кофе. А это музыканту. Передайте, что я прошу прощения.

На стол легла еще одна купюра. Есть не хотелось и слушать никого не хотелось. Он допивал третью чашку кофе, когда неслышно вошел Алексей, как и положено хорошему безопаснику.

---

* Mon cher — мой дорогой (*фр.*)

— Арсен Павлович, мы ее нашли.

Ямпольский даже глаза прикрыл.

— Агату?

— Агату? Нет, докторшу, это Велесова Марина Александровна. А пациентка ее Мансурова Агата...

— Мансурова? — Ямпольский вскинулся и впился взглядом в начальника охраны. — Жена Тагира? Этого... — он выругался.

— Его...

Ярость поднималась изнутри и растекалась по телу, по венам, смешиваясь с кровью. Тагир, сын Маркелова. Внебрачный, зато единственный. Ринат помогал ему, хотел в бизнес ввести. А тот в Мансуровых пошел, нет там ни хватки Ринатовой, ни чутья, ничего. И желания что-то делать нет, только к деньгам желание.

Терпение Маркелова лопнуло, когда сын вывел на свой офшор крупную сумму и ушел в бега. Ринат затянул пояс, финансовую дыру закрыл, а сына вычеркнул из жизни навсегда. Тагир приходил к Арсену требовать долю наследства, Ямпольский отказал.

«Если твой отец решил, что ты плохой сын, Тагир, то кто я такой, чтобы оспаривать его мнение?» — сказал он Мансурову, спокойно глядя в глаза, в которых плескалась ненависть.

И вот теперь Тагир женат на Агате Дворжецкой, которая присылает Арсену снимок, где ее ребенку, величиной в девять миллиметров, шесть недель и три дня. Вряд ли она стала бы присылать Ямпольскому снимок УЗИ своей подруги.

— Арсен Павлович, я дал команду парням, они уже ищут Мансурова.

— Ищи, Леша, ищи. Докторшу потряси, но найди Тагира, а главное, Агату. Девушку ко мне, у Тагира сам все узнай, иначе я за себя не ручаюсь.

НАЙДИ МЕНЯ, ШЕРХАН!

— А... — Алексей застыл безмолвным изваянием, в замешательстве глядя на босса.

— Что? — не понял Арсен и тут же досадливо поморщился. — Так говорят, Леша, «ручаюсь» — это правильно.

— Не глазей по сторонам, дорогая женушка. — Со стороны кажется, будто Мансуров заботливо придерживает меня за локоть. И только я знаю, что от такой заботы завтра у меня будут синяки. — Лучше смотри под ноги.

Мне бы понять, куда меня привезли, похоже, это не какой-то подвал, а настоящая клиника. Муж хочет, чтобы мой ребенок был записан на него, и я сама сделала все, чтобы от него зависеть.

— Быстрее шевелись, — угрожающе шепчет он на ухо, и я торопливо киваю.

Не стоит его злить. Тагир бесится, когда что-то идет не по плану, а у меня появился шанс все изменить. Муж не знает о звонке матери, и это хорошо.

Стараюсь идти быстрее. В кабинете УЗИ доктор улыбается нам, и Тагир мгновенно преображается. Когда он хочет понравиться, он умеет очаровывать, я тоже в свое время на это повелась. Теперь я понимаю, какое он чудовище, но уже поздно.

— Давай, дорогая, делай, что говорит доктор, — мой муж сама любезность, а меня начинает тошнить.

Вырываю из его рук локоть и иду к кушетке. Читаю на бейджике доктора: «Велесова Марина Александровна». На миг даже завидую этой Велесовой — она свободна, никто не держит ее под замком, она после смены может выйти в город и выпить кофе с пирожным.

В компании мужа, например, — на безымянном пальце Марины Александровны красноречиво блестит ободок. Вряд ли она ненавидит своего мужа, как я Тагира,

хоть он и муж мне только на бумаге. А у этой Велесовой наверняка все по-настоящему.

Докторша вскрывает пакетик из фольги и надевает латекс на длинный датчик, похожий на большой палец.

— Ложитесь, Агата...? — смотрит вопросительно, но я молчу. Ничем помочь не могу.

— Янушевна, — отвечает за меня Мансуров. — Мансурова Агата Янушевна.

Если бы я могла говорить, то сказала бы — нет, крикнула! — что я Дворжецкая, Агата Дворжецкая. Но я замужем за Тагиром, поэтому молчу и опускаю глаза.

Велесова задает вопросы, в основном из области женской физиологии. Отвечает по традиции Мансуров, и она в какой-то момент спохватывается.

— Агата Янушевна, почему вместо вас отвечает муж? Давайте пообщаемся с вами!

— Она не ответит вам, госпожа Велесова.

— Почему же?

— Моя жена немая.

Докторша сочувственно поджимает губы, и от этого я еще больше ненавижу Мансурова. Ему нравится представлять меня как умственно отсталую. Вот и Марина Александровна начинает жестами показывать, что я должна раздеться, хоть я прекрасно слышу. Мансуров снова добился своего. Когда он вот так смотрит на меня печальными глазами, полными любви, бабы сразу принимают его жалеть. Бедный, связался с глухонемой! То, что у меня нормальный слух, уже никого не интересует, в их глазах я просто неблагодарная дрянь.

Упрямо мотаю головой и глазами указываю Тагиру на дверь. Он понял, но продолжает играть в заботливого мужчину. Поджимаю губы и отворачиваюсь. Ну не станет же он меня насильно раздевать и пихать в меня датчик! Это сразу разрушит идеальный образ любящего мужа.

НАЙДИ МЕНЯ, ШЕРХАН!

Тагир, кроме того, что хорошо сложен и красив, обладает какой-то демонической обольстительностью. Он умеет взглядом проникать под одежду, пробираться под кожу и бить в самое сердце. Женщины в его присутствии текут мозгами и не только, некоторые совсем перестают соображать.

Мне повезло, что от моего сердца давно остались одни ошметки, но я все равно попалась, потому что приняла его обман за любовь и думала спрятаться за этой любовью. А оказалось, я для него всего лишь средство для достижения цели.

Он улыбается — я вижу, что через силу, и не мне, а докторше, — и Марина Александровна уже «плывет». Смотрит на меня, как на капризную идиотку, и начинает причитать о перепадах настроения у беременных. Дура.

— Вы идите, Тагир Ринатович, не переживайте, я вас позову, если что пойдет не так. Ваша жена стесняется, хоть ничего тут особенного... — договаривает она уже в пустоту, потому что Мансуров выходит из кабинета.

Ложусь на кушетку и закрываю глаза. Не видеть. Не смотреть. Датчик скользит в меня, напоминая, что я всего лишь средство.

— Что же вы не смотрите, Агата Янушевна? — соловьем заливается Велесова. — У нас там кто-то есть! Ну откройте же глаза, познакомьтесь с малышом!

Нехотя смотрю на экран, вижу крошечное пятнышко. И все летит вдребезги. Сколько я ни уговаривала себя относиться к тому, что внутри меня, как к плоду, но вид этого пятнышка заставляет затаить дыхание.

Что-то говорит докторша, я не слушаю. Пускай думает, что хочет. Вглядываюсь в экран и пытаюсь рассмотреть пятнышко. Наверное, я сошла с ума, но мне кажется, что я вижу очертания ребенка. Вижу тельце, голову и отростки по бокам — это у него уже есть ручки?

А потом датчик как будто втыкается мне прямо в сердце — на пятнышке видна пульсирующая точка, и я догадываюсь, что это такое, раньше, чем объясняет докторша. Сердце. У него бьется сердце.

Откуда-то я понимаю, что это мальчик, не знаю, откуда. Зато твердо знаю, что у меня родится сын, и он будет похож на своего отца. Хочется плакать и просить прощения — у него, своего ребенка, и у его отца. Я очень виновата перед ними обоими.

А потом меня бросает в жар, потому что я вижу возле монитора телефон. Сглатываю скопившуюся слюну, незаметно вытираю влажные ладони об одноразовую простыню. Мысленно повторяю номер телефона, который буду помнить, даже если впаду в кому.

Телефон звонит, Марина сбрасывает звонок, потом хмурится и рисует на экране треугольник. Меня начинает трясти — он запаролен графической фигурой, не отпечатком!

— Лен, мне снова твой звонит. Послушай, я на работе, у меня пациенты, разбирайтесь сами, ну что вы как дети. Извините, — это уже мне. А у меня внутри все дрожит.

Сейчас. Если я не сделаю этого сейчас, у меня может не быть другого шанса. Закатываю глаза, выгибаюсь и начинаю хрипеть. Я не немая, что бы Мансуров ни лгал окружающим. Мой речевой аппарат в норме, и я могу издавать разные звуки — могу кричать, стонать, рыдать. Сейчас я хриплю.

Велесова от испуга даже подпрыгивает, и я бы засмеялась, если бы мне не было так страшно. Наверное, она решила, что у меня начался припадок. Зовет на помощь и бросается к двери, а я хватаю телефон.

От датчика внутри больно, но я быстро рисую треугольник и включаю камеру. Снимок монитора — раз, два — срываю с плеча блузку и завожу телефон за спину.

НАЙДИ МЕНЯ, ШЕРХАН!

Снимок. А теперь вбить номер, отправить фото и все удалить.

Пальцы трясутся. Еле успеваю, бросаю телефон обратно и падаю в изнеможении на кушетку. В кабинет вбегает целая толпа, у меня перед глазами все плывет. Наверное, вид у меня совсем дикий, потому что даже Тагир пугается.

— Агата, что с тобой, ты в порядке?

Он растерянно отвечает на вопросы наводнивших кабинет медиков — нет, эпилепсией не страдает, приступов паники не наблюдалось, для него это тоже неприятный сюрприз. Звучит осторожное предложение прервать беременность по медицинским показателям, и я чувствую страх Мансурова.

Этот ребенок нужен Тагиру больше, чем мне. Больше, чем его отцу. Если бы у меня была хотя бы минута, чтобы написать ему, если бы я могла позвонить и рассказать...

Пора сворачивать представление, внутри жжет от датчика, я не хочу никого видеть. Мне что-то колют в руку, поливают водой, дают нюхать ватку, смоченную нашатырем. И смотрят с сочувствием. На Мансурова. Бедный, связался же с неполноценной.

Но мне все равно. Теперь мне и моему ребенку остается только ждать, что его отец получит снимки и придет на помощь. Второй снимок вышел немного смазанным, потому что тату у меня над лопаткой. Но если он увидит, то вспомнит, обязательно вспомнит.

MonCher.

Только он знает, что «Мон Шер» — это не «мой дорогой». Это «мой Шерхан».

Глава 1

Меня привозят в дом мужа. Тагир ведет себя непривычно заботливо, он рад, что я беременная, наверное, не думал, что у меня это получится сразу. Если честно, я тоже надеялась, что ничего не выйдет или что я вообще не смогу забеременеть. Но у Арсена все вышло с первой попытки.

Никого не хочу видеть, поднимаюсь к себе и ложусь на кровать лицом к стене. Мансуров допытывается, не голодна ли я, может, мне чего-то хочется. Если смотреть со стороны — настоящий любящий муж и отец. Прячу лицо в ладонях.

Когда я выходила замуж, думала, так и будет. Что у меня теперь есть любящий муж, который когда-то станет любящим отцом моего ребенка. Тагир, наконец, убегает из комнаты, щелкает замок.

Я здесь пленница. А теперь и мой ребенок тоже. Беззвучно плачу, чтобы Мансуров или охранник не услышали, хоть очень хочется разреваться в голос.

Мансуров лжет, я не немая, врачи называют это мутизмом, а мутизм — всего лишь болезнь. Отец называл это безмолвием, и мне так больше нравится. Многие болезни можно вылечить, наверное, и мою тоже. Но мне она

НАЙДИ МЕНЯ, ШЕРХАН!

не мешает, ведь я говорю с камнями. Драгоценными камнями, не обычными. Не могу объяснить, так тоже бывает.

Я и с людьми говорю на самом деле, просто люди меня не слышат, а камни слышат. И если у них есть желание, то еще и отвечают. Но для Мансурова это тоже за гранью, у него моя немота вызывает только брезгливость. Впрочем, как у меня его болтливость, так что тут мы квиты.

В детстве я чуть не утонула в ледяной воде — спасла собаку, упавшую в прорубь. Собаку я спасла, но подомной проломился лед. Собака громко лаяла, услышали прохожие, и меня вытащили. Но то ли я сильно испугалась, то ли долго пробыла в коме, с тех пор я не говорю. Меня возили по врачам, знахаркам и травникам, даже пробовали гипноз, но я так и не заговорила. Папа не жалел никаких денег. Он был известным в городе ювелиром, изделия от Дворжецкого высоко ценились среди нашей элиты.

Еще когда я была маленькой, любила перебирать драгоценные камни и раскладывать по кучкам. А потом рассказывала отцу истории, которые придумывала для каждого камня. Тогда он и понял, что я что-то вижу, потому что я раскладывала их по чистоте.

Слезы не лучшее лекарство, но мне становится легче. Вспоминаю пятнышко на мониторе и веду рукой вниз, нерешительно кладу ее на живот. Ничего. А ведь казалось, сейчас мне в руку застучит сердечко сына. Его сына...

Арсена я впервые увидела, когда мне было шестнадцать. Он пришел к отцу по делу, и я до сих пор помню этот день посекундно.

Вот я стою у окна в гостиной и вдруг чувствую спиной — воздух становится вязким, тяжелым, легкие наполняются доверху чем-то густым и незнакомым. Волоски на всем теле встают дыбом, и я медленно поворачиваюсь.

В гостиную входит отец, следом идет мужчина. Меня вдавливают в стену как под действием центробежной силы. Разом покидают все чувства за исключением одного. Я гложу и слепну, не могу ни видеть, ни слышать. Не чувствую запахов. Я могу только ощущать.

Кожей чувствую его взгляд, его голос. Его запах пробирается в самую глубину, и я боюсь выдохнуть. Я даже знаю, какая на вкус его кожа, потому что тоже этот вкус чувствую.

— Познакомься, Агата, это Ямпольский Арсен Павлович, мой друг, — говорит отец, я с трудом по губам разбираю, что именно он говорит. — Арсен, это моя дочь Агата.

Глаза цвета холодной стали будто ощупывают с ног до головы, а следом меня просто размазывает от низкого хрипловатого голоса.

— Как ты мог назвать этот алмаз Агатой, Януш? Никому не показывай ее, держи под семью замками, это самая большая твоя драгоценность. Чище камня я не видел.

Отец что-то самодовольно отвечает, Ямпольский улыбается, а мне хочется сложиться пополам от водопада эмоций, захлестнувших от этих слов.

— Подойди к нам, Агата, — зовет Арсен, и, наверное, меня влечет к нему по воздуху, потому что ноги совсем не держат.

— Агата, доченька, Арсен Павлович хочет инкрустировать часы камнями. Ты подберешь те, которые ему подходят?

Ямпольский удивленно поднимает брови и смотрит сначала на отца, потом на меня. Киваю и вздыхаю немало свободней. Камни и их выбор — это привычная среда, отец возвращает меня в нее, как рыбку, которая долго билась в изнеможении на берегу, а потом добралась до воды.

НАЙДИ МЕНЯ, ШЕРХАН!

Улыбаюсь Арсену и протягиваю руки в приглашающем жесте. Он снова вопросительно выгибает бровь, глядя на отца.

— Она просит тебя дать ей руку, Арсен. Смелее, — подбадривает его отец.

Арсен дает руку, и я обхватываю ее ладонями. Сухая, теплая, твердая. Чуть шершавая мужская ладонь. Хочется прижаться к ней щекой и замереть, но он и так смотрит настороженно. Закрываю глаза, прислушиваясь к своим ощущениям и стараясь сохранить в памяти. Потом, выбирая камни, буду их сравнивать, я уже знаю, что нужно искать.

Отпускаю руку и делаю шаг назад, кивая отцу.

— Прекрасно. Агата выберет камни, которые тебе подойдут, Арсен, даже не сомневайся. Пойдем в кабинет, я покажу тебе образцы.

Что отвечает Арсен, я уже не разбираю, они уходят. В изнеможении опускаюсь на диван и жду, когда ноги снова смогут мне послужить. По дороге в свою комнату вижу маму и ее подругу Натали. Мама мечтательно закатывает глаза.

— Какой мужчина!

— Да, красивый, гад! — соглашается с ней подруга.

А меня ведет от возмущения. Говорить об Арсене «красивый» кажется настоящим кощунством. Разве здесь важна красота? О таких, как он, надо говорить просто Мужчина, вот так, с большой буквы, и больше ничего не добавлять.

— Жаль, что женат, — продолжает Натали. — Лучше бы он на мне женился.

— Лучше бы он на всех нас женился, — вторит ей мама, они обе хохочут.

А у меня снова подламываются ноги. Я больше ничего не слышу, кроме того, что Арсен женат, и в этот день я впервые узнаю, как может плакать сердце.

Арсен погладил пальцами камни, полукругом украшавшие ободок циферблата, а потом накрыл сверху ладонью. Каждый раз ему казалось, что от них идет тепло, вот и сейчас ладонь словно ласкало изнутри. Но он точно знал, что это психологический эффект, алмаз не греет.

Зато согревает тепло кожи, значит, его тело помнит. Арсен положил часы обратно в сейф и захлопнул тяжелую дверцу. Он давно не носит эти часы, они у него как экспонат. Сколько лет назад Януш Дворжецкий сделал эту работу? Пятнадцать? Нет, тринадцать. Арсену тогда исполнилось тридцать три, он давно вышел из пубертатного возраста и был слишком счастлив в браке, чтобы захлебнуться слюной при виде дочери старого ювелира.

Но шестнадцатилетняя Агата впечатлила даже выдавшего виды Шерхана. Наверное, потому что если бы Арсену вздумалось обратиться к Господу с просьбой изготовить женщину по его вкусу, то оказалось бы, что для него давно готов выставочный образец.

Уже вполне оформившаяся тяжелая грудь, умопомрачительный переход от талии к бедру, не потому, что широкие бедра, а потому, что узкая талия. Ноги прятались под длинным подолом, но не мог же Господь, создавая такое совершенство, наделить ее кривыми ногами? Так тогда думал Ямпольский. Он даже представить не мог, насколько постарался Творец.

Арсен слишком хорошо их потом рассмотрел, настолько, что стоило лишь вспомнить, как они упирались в его плечи, как обхватывали бедра, внизу привычно потяжелело. Телесная память — великая сила. А тело Ямпольского наверняка обладало уникальной памятью.

Это не камни грели, грело тепло узких ладоней, которые ощупывали руку в самый первый его визит к Дворжецким. А еще жар юного тела, который его едва не обжег, когда Агата потеряла сознание.